

Улитка

№ 1
зима
2005-2006

интернет-журнал поэзии хайкай

www.ulitka.haiku-do.com

Мы отправляемся в Путь...

Правила приема работ

Уважаемые авторы,

Благодарим вас за ваше желание опубликовать свои работы в УЛИТКЕ. Редакция принимает к рассмотрению хайку и сэнрю как в традиционной, так и в свободной форме. Просьба присылать свои работы на русском языке, ранее не публиковавшиеся в бумажных и сетевых редактируемых изданиях.

Постинги на личных страничках, в форумах, блогах, а также самопубликации в литературных интернет-клубах публикациями не считаются и принимаются к рассмотрению.

Мы также принимаем к рассмотрению статьи на темы, связанные с хайку и смежными жанрами, а также танка, рэнга, хайбун, фотоку и хайга.

Мы принимаем работы, которые одновременно находятся на рассмотрении в других журналах, а также работы, которые ранее были опубликованы не на русском языке (в этом случае, пожалуйста, укажите источник первой публикации). Просим вас уведомить редакцию, если работа, находящаяся на рассмотрении в УЛИТКЕ, принята к публикации в другом издании, а также отозвать ваши работы из других редакций в случае приема вашей работы к публикации в УЛИТКЕ.

УЛИТКА выходит два раза в год, в апреле и октябре. Уведомления о приеме или неприеме к публикации будут высланы авторам за две-три недели до выхода очередного номера.

Редакция УЛИТКИ всячески приветствует, если вместе с вашими работами вы пришлете несколько слов о себе (желательно с приложением фотографии размером 500-600 px по широкой стороне). Эта информация будет размещена в журнале. Это не является обязательным условием, и никаким образом не влияет на решение редколлегии о публикации ваших работ.

Все авторские права будут возвращены авторам после публикации. Пожалуйста, указывайте УЛИТКУ в качестве источника первой публикации, где необходимо.

Просьба присылать свои работы (не более 15 для каждого номера) по адресу ulitkaonline@gmail.com непосредственно в тексте сообщения (пожалуйста, не присылайте работы в приложении или в виде ссылки на интернет-сайты).

Будем рады видеть вас в числе наших авторов.

Уважаемые читатели
он-лайн журнала хайку "Улитка"!

Представляем вам восстановленный первый выпуск журнала (его русифицированную часть). Очень надеюсь, что вы с удовольствием будете перечитывать давно известные стихи, а кто-то заново откроет для себя наших авторов.

октябрь 2021г.

В этом выпуске

memoi.....	4
Хайку и сэнрю.....	9
Мнения и комментарии.....	35
Танка и вака.....	47
Хайга	53
Авторы.....	55

интернет-журнал поэзии хайкай УЛИТКА
www.ulitka.haiku-do.com

зима 2005-2006 :: выпуск 1

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

ulitkaonline@gmail.com

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Владислав Васильев
Элина Витомская
Дмитрий Кудря
Александр Кудряшов
Наталья Леви
Наталья Седенкова

Логотипы Саша Чекалов

Каллиграфия Максим Сазонов

Обложка pogitsune

Иллюстрации в журнале pogitsune, Редакция

Дизайн и верстка Редакция

Элементы дизайна SuiseDok

Следующий номер "Улитки" выйдет.

**София Русинова
(Ореховая Соня)**

Встала сегодня
с левой ноги
собственного кота

**В ожидании снега
выбираю подошвы
поузорчатей**

на свежем снегу
гляди-ка — уже следы
чьих-то бессонниц

**рождественский дождь
сел в лужу
снеговик**

в тишине
две ложечки позвякивают
не в такт

протерла очки —
любуюсь туманом

Закат на даче
За забором распиливают
Тишину

Пляж под Римом.
Детишки строят из песка
Руины.

На осеннем небе
галочками отмечены
пути на юг

оба трясемся —
с балкона несущ холодец

пока ты в отъезде,
сплю в объятьях
твоей рубахи

Капельница
По чуть-чуть разбавляет
Твою болезнь

Переход метро.
Скрипач, отдыхая, слушает
Наши шаги.

(14.07.1965 — 15.01.2005)

Год назад трагически оборвалась жизнь Софии Русиновой — Ореховой Сони.
Осталась добрая память о ней, остались ее стихи...

Ореховая Соня

“О Читателе Хайку”

Мысль о Читателе Хайку посетила меня недавно и случайно, зато с тех пор прочно засела в голове. Было так. Однажды один уважаемый мною поэт и организатор решил включить в сборник мой стишок и посоветовал изменить в нем пару слов, аргументируя тем, что, мол, народ этих слов не поймет. Тут я впала в некоторый ступор. Какой народ? Как-то раньше я не задумывалась над тем, кто это все читает. То есть, помню, образовался однажды на наших сайтах один читатель, вернее, читательница, все знают, о ком я, и спасибо ей большое. Она приходила, читала, писала свои мнения и замечания. И никаких стихов. Честный, настоящий читатель. В чистом виде. Но одно дело – единственный постоянный читатель, уже родня, считай, и совсем другое – народ.

Тут у меня и возник вопрос: есть ли такой народ (кроме пишущего), который читает хайку, и что это за народ. Все не просто. Поймайте на улице произвольного человека с интеллигентным лицом (не сильно спешащего, желательно) и подсуньте ему какую-нибудь лягушку Басе в переводе Веры Марковой. Если он своему лицу соответствует, то дурного слова вам не скажет в ответ, а просто отмахнется вежливым вопросом «Ну и чё?». Мой хороший знакомый, человек грамотный, лингвист, как-то поделился: «Сначала я думал, что это только вы все хайку писать не умеете (у меня же по дому распечатки всякие валяются, нет-нет да и наткнешься), а потом почитал Басё (все того же марковского, естественно) – и тоже ерунда какая-то». Поскольку человек вежливый, то добавил: «Может, перевод плохой?».

И действительно. Чего нормальному человеку надо? Допустим, пишут ему: «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Хорошо. Ночь, значит, и мглы. Типа плохо видно. Смотрим дальше. Арагва шумит, ладно. Плохо видно, зато слышно. Вот, а дальше главное: «Мне грустно и легко, печаль моя светла». Тут и холмы с Арагвой встали на место, и понятно, чего это выхожу один я на дорогу в такое время суток, а чтоб наверняка, так «печаль моя полна тобою». Ну и все. Читатель доволен, грустит вместе с автором, вдыхает ночной воздух и собирается звонить любимой девушке. Что тут скажешь – любовь. А положим, читает человек такой стих:

*в тумане ночном
тени далеких холмов
шум близкой реки*

Что хочешь, то и думай. Эмоция не обозначена, действия нет. Кому-чему сочувствовать? Вопрос. Ответ на этот вопрос существует только при наличии у читателя желания вникнуть и почувствовать. Собственно, хайку – это повод. Чем лучше хайку, тем легче за ним следовать, но все равно это некоторый акт воли. При наличии привычки к чтению хайку этот акт становится практически незаметным, поскольку человек потихонечку уже переселился в мир хайку и мыслит его категориями.

Но все равно случается: наткнешься на хайку не из твоего хайку-мира и думаешь: «Что за ерунда, зачем это написано?», а потом вдруг обнаруживаешь, что есть группа людей, которые над этим же хайку восторженно взмахивают руками и роняют светлые слезы. Можно предпринять усилие и попробовать вчитаться. Не факт, что получится.

Конечно, при таком подходе парадоксальным образом смещаются критерии оценки хайку: вместо «хорошее» и «плохое» возникают «мое» и не «мое». Впрочем, если подумать, ничего парадоксального, остальные наши эстетические и этические оценки тоже основаны на способности или неспособности что-либо принять. Итак, хайку – это дверь в некоторое чувство или состояние, причем не всегда у этой двери хорошо смазаны петли, а иногда к ней еще и ключ требуется. Кто же такой читатель хайку? Это человек, которому только дай помедитировать, который способен или хотя бы готов часами следить за ползущим жучком, выискивая смысл в его траектории и выражение в его усах. Это любопытный человек, который рад тыкаться в любую дверцу-хайку – а что за состояние ждет его тут? К тому же он упорен и готов ковырять замочек дверцы, пока она не откроется. Это именно о нем пресловутое хайку Басё:

*Внимательно взглядишь —
цветы пастушьей сумки
увидишь под плетнем*

Посоветуйте это случайно выбранному человеку. С большой степенью вероятности он спросит: «А нафига?». И действительно... Зачем она, эта пастушья сумка, когда есть много вещей видней и краше. За тем же плетнем розы цветут – толстые и душистые. И только когда человек расстался с категориями краше – не краше, хорошо – плохо и готов расстаться с категорией мое — не мое, — тогда он становится читателем хайку. Не знаю, вероятно, он при этом с неизбежностью становится в той или иной степени и писателем хайку.

Что же получается? Читатель хайку ищет повода помедитировать на любой подвернувшейся былинке, а писатель хайку ему этот повод подсовывает в виде произвольного слова, и граждане довольные расходятся по домам? А зачем тогда вообще писатель нужен? Пожалуй, картину стоит несколько дополнить. Хороший писатель хайку – это тот, кто может создать стих, являющийся поводом для медитации относительно большого числа читателей (пусть это будет первым критерием хорошего писателя хайку), а хороший читатель хайку – тот, кому кроме повода для медитации (который он должен уметь отыскивать) важна еще и художественная форма, умение создать которую есть второй критерий хорошего писателя хайку.

26-11-2004

Дарья Баталина (Daira)

первое утро года —
на школьном крыльце
следы вороны

крещение...
полным синичьих следов
снегом умоюсь

мою ладонь
на запотевшем стекле
увозит автобус

заброшенный дом...
к Пасхе моет окна
дождь

засуха: все уже
и уже граница мира
для водомерки

следы наших ног
в разогретой пыли
до первого ветерка

звонок другу
мужской разговор
о погоде

фильм о конце света
бегущей строкой
погода на завтра

в эфире — «Время»
зачем-то опять снимаю
с гвоздя поводок

в раме — небо
меняют
рекламный щит

пропала карта
дальних странствий с потолка...
ремонт в квартире

некуда спешить
опавшие листья
рисуют ветер

Дарья Баталина (Daira)
(Россия)

Елена Большакова

смакую по глотку
первый день
урожая этого года

утро
бреду бездумно
сквозь зеленую дымку

спешит за двоих
опять убежал
утренний кофе

утонуть в запахе трав
лишь стридам видна

голубым и розовым
нарисую на лице
новый день

уехали гости
вернулись на место
чашки, тапочки, книги

Елена Большакова
(Россия)

Юлия Воронкова (Jeу)

вытряхиваю
карманы старой куртки
было же счастье

аритмия
говорят навсегда
это на сколько?

сугробы снега
на летних стульях —
поздние гости

Юлия Воронкова (Jeу)
(Россия)

Руслан Гундаков

Первый снег.
Концами одного полотенца
вытираем лицо

На солнце сверкает
кипяток из чайника —
весенняя простуда

Вечерняя прохлада.
Бессильно опустили листья
деревья

Пытается поднять
лежащую газету вентилятор —
жаркая ночь

Руслан Гундаков
(Украина)

Галина Ершова (До)

среди разговоров
на русском, болгарском, английском
«мяу» — сказала кошка

в закатной дымке
горы...
призраки гор

дальний колокол...
всюду, куда ни ступишь —
край дороги

дороги вкус
полынный и колючий
вдруг вспомнился...

гребень холма —
пешком по горизонту
пять овечек

Галина Ершова (До)
(Россия)

Алексей Жидков

Три дня снегопад.
Стали ближе небеса,
Глубже колодцы.

Ясен млечный путь.
Петляет по деревне
Пьяный мужичок.

С весны гитара
Не была в руках моих.
Снег на проводах.

С того берега
Отец мне рукой машет...
Будильник звонит.

Свежие стога.
Холмики на погосте
Поросли травой

Как тихо вокруг!
Собираю чернику
В старых окопах.

Забыт на окне
Глядит на Медведицу
Плюшевый мишка

Осенний фонтан.
Бросил монетку на дно,
В сухие листья.

Всё-всё
Луне рассказал
Мальчик в палате.

Ни звёзд. Ни луны.
Наизнанку вывернут
Утром небосвод.

Алексей Жидков
(Россия)

Родился 1 апреля 1965г. в Вятке(Киров). Сейчас живёт в Петрозаводске. Врач, работает в детской реанимации. Автор-исполнитель собственных песен. Выпустил несколько дисков.

Анатолий Ильц

в склеенной рамке
хипповских времён
разбитное фото

стайки
серебристых рыбок
ива под дождём

в тумане утра
подсвистывает птицам
старенький велик

Анатолий Ильц (Ильющиц)
(Беларусь)

"Родился в 1965 году в Белоруссии. Живу около Минска.
Японской поэзией и культурой увлекаюсь с 1992 года."

Владимир Ищенко

Отпуск в Нью-Йорке.
Большинство фотографий —
вертикальные.

**Жара —
тень моста
залезла под мост**

**Владимир Ищенко (Wowwi)
(Финляндия)**

авторская страница – <http://www.wowwi.orc.ru/>

Каоме

песня дождя —
медленно, уверенно заполняет
всю комнату

**нескончаемый дождь
словно беженец
август**

с городских крыш
они прыгают в небо —
весенние ласточки

**уходит любовь
наступает зима —
аромат хризантем**

в ожидании звёзд,
мужчина без женщины —
неспешный ручей

**тихий ветер —
до лунного света истаял
запах лимона**

летняя гроза —
будто выжала из себя
все краски вечера

осенний песок —
весь мир исчезает
в спирали ракушки

запах зимы
читаю
старое письмо

осенний день —
я как будто летаю
в старом зеркале

к луне
протягивает девочка
пустую руку

осенний вечер —
глаза что следят за мной
заполнили небо

Перевод УЛИТКИ

Камоме /Kamome
(Италия)

Родился в 1953 в Италии. Живет и работает на побережье Амальфи, в самом сердце Средиземноморья, — и как преподаватель философии языка, и как каллиграф и живописец. Страстный любитель традиций Японии, ее литературы и искусств, он довольно поздно начал изучать японский язык, но в жанре хайку Камоме пишет стихи с самой юности.

Вячеслав Канин

летний садик
детский рисунок слетел
с подоконника

Порхает по чашкам
Бабочка
Китайский сервиз

Вячеслав Канин
(Россия)

Родился в 1973 г., живет в г. Норильске. «Занимаюсь всем, что связано с автомобилями иностранного производства, из основных увлечений — фотография и горные лыжи»

Жанна Коробова-Рэйдер

Осенний ветер —
мой воздушный поцелуй
относит в сторону.

Метель утихла —
снежная баба
поправилась.

Весенний день —
собака приносит палку,
брошенную не мной.

После дождя —
босиком по отражению
цветущей вишни.

Жанна Коробова-Рэйдер
(США)

«По образованию — библиотекарь-библиограф. Живу в США с 1973 года. Пишу стихи разного рода, как на русском, так и на английском языке. Состою в нескольких писательских организациях США, в том числе в клубе хайку World Haiku Club, в котором курирую русско-английский форум хайку — WHCrussian. Являюсь редактором русского раздела электронного журнала этого клуба — World Haiku Review. Хайку пишу в основном на английском языке.»

Пол Купер

По черепичной крыше
между каплями дождя;
звук беличьих лапок.

**Водная гладь;
перелётных гусей отражает
в исчезающей утренней дымке.**

Полна дождём;
быстрая песнь ручейка
пронзает голые скалы.

**В мечтах у камина
пламя осело золой
солнце садится...**

Между
вдохами и выдохами
проходит время

**На глади реки
сквозь опустившийся туман —
белизна цапли.**

Перед зарёй
надломленная веткой луна
пустоту раздвоила

Заря

**растянулась на перилах крыльца
тень от сосульки.**

Утром иду;
нет следов на снегу —
всё позади

**Тикают часы,
в стуже ночной голоса
поют хоралы.**

Ничто их не держит
кружатся в северном ветре;
кленовые листья.

**падающий снег
стёр то, и это стёр...
только звук ветра**

Перевод УЛИТКИ

Пол Купер / Paul Cooper
(США)

Пол Купер «тёси» (яп.: тон, высокий голос, бутылочка сакэ, старший сын) живёт в Нью-Йорке на реке Гудзон. Пол работает психотерапевтом, имеет частную практику на Манхэттене. Он также обучает, тренирует и консультирует начинающих психоаналитиков. Является соредактором книги «Psychotherapy & Religion: Many Paths, One Journey» (Jason Aronson 2005)

Давно практикует дзен: школы сото и риндзай. Его не раз награждали как поэта, а его музыку (композиции для бамбуковой флейты) можно услышать на сайте Haigaonline.

Геннадий Линьков

часы в натюрморте
вспыхнули
секундами заката

перед дождём
стрижи раскачивают
воздушный дом

Геннадий Линьков
(Россия)

Родился в 1966г., художник, преподаватель живописи и рисунка в Новгородской художественной школе, участник многочисленных выставок. «Я живу в мире живописи и не считаю свои тексты высокой поэзией, но не могу отказать себе в том, чтобы не выражать свои впечатления в поэтическом пространстве...»

Татьяна Луговская

Увижу тебя —
И раскроется сердце.
Срезанный цветок.

Татьяна Луговская (Танда)
(Украина)

Танда (Татьяна) Луговская, Одесса-Москва-Санкт-Петербург. На сегодняшний день — литературный редактор и корректор журнала «Мир фантастики» (Москва), сценарист и режиссёр студии «Синематроник» (Санкт-Петербург). Увлечения: ролевые игры, «Что? Где? Когда?», путешествия. Публикации: сборник «Анти-Данте или Путешествие без Вергилия» (2004 год, Казань, «Зелёный Джаспер»), ряд бумажных и сетевых публикаций.

Марсель Март

снежинки кружат
но каждая ложится
на своё место

очки слепого
отражение мира
с другой стороны

Марсель Март
(Россия)

«30 лет, живу в г.Уфа. Перед тем,
как начать писать, какое-то время
читал.»

Константин Микитюк

ночь...
через границу загара
перевожу дыхание

завтрак в постели
ты улыбнулась в усы
молочного цвета

прошла по палубе
покачивая бёдрами
корабль

Константин Микитюк
(Россия)

«Родился в подмосковном селе Большие Вязёмы, бывшем имении Бориса Годунова, в день двадцать второй годовщины первого испытания ядерного оружия. Закончил Московский инженерно-физический институт по специальности «Ядерные реакторы». Два года в Советской армии следил за соблюдением моратория на испытания атомной бомбы. Работал инженером в Курчатовском институте ядерной энергии. Занимался перспективными реакторами с быстрым спектром нейтронов. Кандидат технических наук. Папа Ксении. Пишу трёхстишия с 2004 года. Публиковался в «кофейных» сборниках М. Бару, альманахе «Хайкумена-2», сборнике сезонных хайку «Наш год».

Владимир Монахов

День всё длиннее
Мазками проталин
Рисует себя весна

Осенний лист
В руках веселой девочки
Всё жил, и жил, и жил...

**Владимир Васильевич
Монахов**
(г.Братск,
Иркутской области,
Россия)

Журналист, поэт, эссеист.
Родился в 1955 году. Автор
более 10 сборников стихов
и прозы. Дипломант всерос-
сийского конкурса хайку
1998 года. Член союза рос-
сийских писателей.

Алла Мутелика

одну за другой
возводит новостройки
уходящий ливень

припекает
жмурится уличный кот
на каменном льве

светает...
все меньше вселенная
в капле росы

все пересохло...
тонкий след самолета -
и тот...

свадебный сервиз
на счастье
бью в одиночку

ноябрь
все крепче с каждым днем
утренний кофе

Алла Мутелика
(Украина)

Леонид Попов

всё хорошо
шепчу я себе
на зимнем мосту

конец января
незаметно
заметно прибавился день

кухонные ходики
долгий взгляд
в темноту двора

полнолуние
меж балконных прутьев
кошачья морда

холодный чай
глоток луны и спать

пьяный, иду под дождем
качаясь
теряют лепестки пионы

школьный оркестр
трубач забегает вперед

ранний вечер
фотограф на площади
меняет ракурс

отправил жену в роддом
и не знаю
с чего начать

Нора

Поздние астры
Любуюсь в саду
Тишиной.

Еще молчат
Еще спят телефончики
На детской пижаме.

Нора
(Россия)

мокрое утро
д_ождевойчер_в_я_к_п_ере_п_ол_з_а_е___т
проезжую часть

Леонид Попов (Додо)
(Россия)

чудные звуки
живут в моем сямисэне
а я и не знал

Сам я живу в глубинке, а летом уезжаю еще глубже, в деревню Большие Шедевры... Сохи в руках не держал...
Страничка в интернете: <http://www.nat-popova.narod.ru/zr42.htm>

Петр Савченко

первое апреля
у вас вся Москва
белая

и рад бы погоревать о жизни
да сегодня нет повода
крокусы

библиотеку приключений
продает старик
на одной ноге

в прошлом веке
так легко было сказать
в прошлом веке

время лечит
чер-ты-хаюсь
разбирая рецепт

утро субботы
оса в сахарнице
ты мой сладкий

что он за человек?
изучаю ложечку для обуви
в прихожей

у капризной погоды
лишь роза ветров
в голове

Петр Савченко (Петрик)
(Россия)

«Петр Савченко живет в Москве, занят версткой и дизайном для полиграфии. Первые попытки написать в три строки совпадают по времени с опубликованием результатов конкурса русских хайку в «Аргументах и фактах» в 2000 году. Любит кататься на велосипеде. На Луну взял бы с собой Сантоку.»

Валерия Симонова

служебный роман
копирую в офисе
барышень Бронте

**в отпуск
вот-вот сорвется
секретарша**

после уборки
бросаю последний взгляд —
сердце не на месте

**безлунная ночь —
читаю твое письмо
наизусть**

мелко дрожит
в студеной весенней воде
отражение осины

**еще ни цветка
но сводит с ума запах
оттаявшей клумбы**

прочитанное
твое письмо —
акварель

Валерия Симонова
(Россия)

Рамкришна К. Сингх

И еще оборот —
кружит девчонка
ночнушку

Сдуваю пылинки
с бутылок
ещё не открытых

У деревенского пруда
ожидает её появления
с уже наживлённым крючком

Перевод УЛИТКИ

Рамкришна К. Сингх /R.K.SINGH
(Индия)

Родился, получил образование и воспитание в г. Варанаси (Индия). В настоящее время — профессор университета, преподаёт английский язык. Автор более чем 145 статей, 150 книжных обзоров и 30 книг, включая два хайку-сборника — «Каждая капля хрусталя» (1999г., совместно с Кэтрин Маир и Патрицией Прим) и «Торгуя мечтой» (в составе трилогии PACEM IN TERRIS, 2003). Кроме этого, стихи Рамкришны публиковались еще в нескольких журналах, антологиях и электронных изданиях. В 1999 г. его хайку получило приз Музея Мирного Возрождения университета Ритсумекан, Киото. А также сертификат Чести и приз Nyusen на интернациональном конкурсе хайку Кумамото Касамакура, Япония, 2000 г. Его работа «Новое индийское английское произведение: альтернативный голос. Р.К. Сингх (ed: I.K. Sharma, 2004)» является всесторонним исследованием, написанным в духе его поэзии и в тесной связи с ней.

Доктор Сингх — профессор и глава отдела Гуманитарных и Социальных Наук в Индийской Высшей Школе Горного дела в г. Дханбад, Индия.

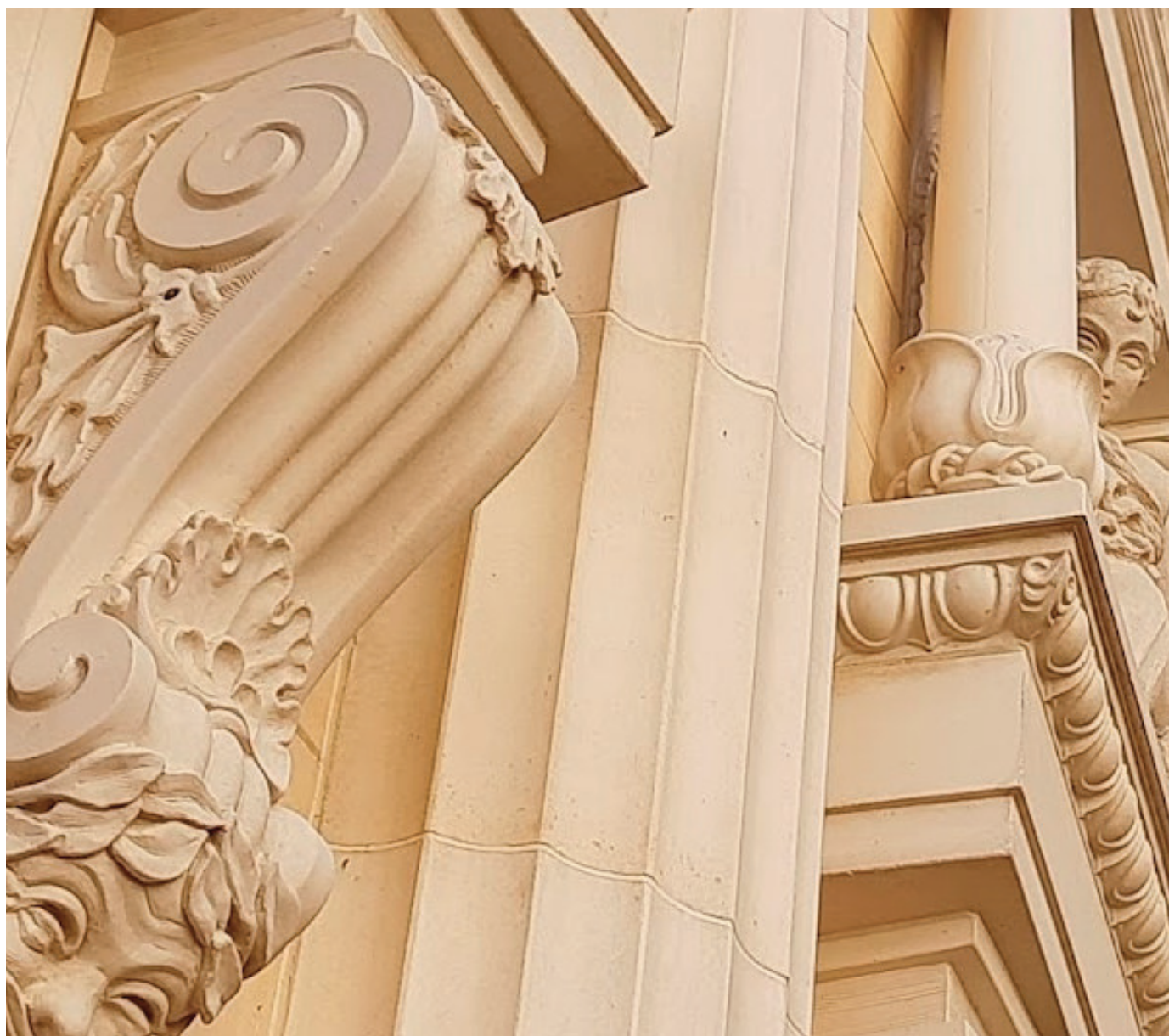
Лена Талаева

в театре кабуки
такое белое лицо
у этой тени

нарисованный сад
выцвел уже
вместе с обоями

день прошел
отпускает мгновения
память

Лена Талаева
(Россия)

Феликс Тамми

Утренний базар.
Снег ночной отрясает
с ёлок продавец.

Снежная бабка,
в луже подол распустив,
стоит под дождём...

Весеннее утро.
Далёкий клин гусей
огибает город.

Холодная печь.
В прошлогодних поленьях —
сухой кузнечик.

Первый летний дождик.
Раскрываю и...
складываю зонт.

Вот и снесён старый дом!
Вокруг ямы
столпились деревья...

Осенний сад.
Мать собирает
цветы бессмертника.

Осенний туман.
Ворона на валуне
вдруг зашевелилась.

Табличку
«Купаться запрещено»
уносит осенний шторм.

Первый снег.
Торопливо лепит девочка
снежную бабу.

Феликс Тамми
(Эстония)

Родился в 1960 г.,
переводчик, Таллин

Инна Умярова

Окна настезь,
Только внутри чемодана
Воздух города

Удить на зорьке!
Сонный кот сел у ведра

Унесенные ветром,
Грустят на ветвях
Чьи-то кальсоны

Дернул троллейбус,
Поехали колготки

На твоём конце провода
Уже стемнело

Инна Умярова
(Россия)

«Впервые столкнулась с хайку еще в детстве, прочитав подборку японских классиков в журнале «Иностранная литература». Сама начала писать значительно позже, натолкнувшись в сети на Ренгу-он-лайн.»

Юлия Хайрутдинова

в потоке толпы
вежливо спорит старушка
сама с собою

луч зацепился
за шарик чертополоха
день чуть длиннее

Небо по колено!
В оттаявшей луже
солнце и воробьи.

Юлия Хайрутдинова
(Россия)

«Живу неподалеку от Петербурга в городе Сосновый Бор. По образованию биолог, по нынешнему статусу — домохозяйка. Двое детей. Обычные стихи пишу давно, хайку — меньше года.»

Эльвира Частикова

Ишь, после бани
Кончики пальцев моих
В старость играют!

Заснеженный лес,
Как рентгеновский снимок
В окне машины.

Натыкаемся
В тумане друг на друга.
Слепое счастье.

Стая голубей
В иное измеренье
На миг уходит.

Эльвира Частикова
(Россия)

«Являюсь автором 13-ти книг, членом Союза писателей и Лауреатом литературной премии им. М.Цветаевой (за поэтический сборник «С натуры» – 1998 г.). Публиковалась в «Международном дне поэзии» (Нью-Йорк), «Мансарде» (Санкт-Петербург), «Тритоне» (Москва) и мн. др. изданиях. Образование высшее (МГИК). Живу в г.Обнинске»

Андреа Чекон /Andrea Ceccon
(Италия)

Родился в 1973 в г. Удине (Италия). По профессии — протезист слуховых аппаратов. Последние три года много путешествует и стал писать хайку. Его работы опубликованы в журналах нескольких стран, таких как: «Heron's Nest» (США), «Майниши Дейли Ньюс» (Япония), «Летни Кази» (Словения), «Темпс Либрес» (Бельгия) и другие. Выпустил свой первый сборник хайку и прозы «Мандарины натошак».

Андреа Чекон

морозный вечер,
эхо колокола
открывает небо

Солнце Хиросимы —
малыш на детской площадке
зажмурил глаза

мотылёк
спускается с облака
на подоконник

Перевод УЛИТКИ и В. Симоновой (2)

Эльмира Черкасова

осенний маяк —
до самой верхушки взбежал
цветок мальвы

осенний пейзаж
в перспективе
дожди

осень.
с веток на землю
перебирается шорох

Млечный Путь...
нащупываю ногой
скользкие камни брода

закат.
в щель турникета
нехотя скользнул жетон

яблоневый сад
вызревает в зябком воздухе
бледный рассвет

Эльмира Черкасова
(Россия)

Игорь Шуган

Осенний парк.
Ворох листьев, спотыкаясь,
Семенит к маме.

Ливень шумит...
Заштрихован
Свет от фонаря

Игорь Шуган
(Россия)

Олег Юров

коробка карандашей
выжили
белый и чёрный

весеннее утро
несёт листики
муравьиный ручеёк

вовнутрь
раскрывают окна
капли дождя

запах фиалок
с луны
спускается паучок

паучок на стекле
не шевелится
секундная стрелка

плюс-минус
девять грамм пчёл —
продавец винограда

жара
девушка
накладывает тени

упала звезда
один ангел
отстал от поезда

чёрный квадрат
с той стороны
бьётся мотылёк

уличный скрипач
в шляпе
первый жёлтый лист

сентябрь
на растущую луну
улетают птицы

осенняя роса
гуляет по саду
на цыпочках кот

«Отдам в хорошие руки»
и «Породистый дорого»
играют два щенка

Олег Юров (Тэнгу)
(Украина)

«По образованию физик-ракетчик. После окончания Университета преподавал астрономию в школе, работал в театре. С 1993 года — учитель медитации. Написал первое стихотворение осенью 1997 года — и лишь потом понял, что это хайку:

спросил старуху
о её молодости
долго улыбалась

Результатом поисков внутри и около этого жанра явилось несколько сборников хайку и верлибров.»

Shimizu

Поезд подъехал
За дверью твои глаза
Распахнулись

Shimizu
(Россия)

Комментарии Элины Витомской

*frosty night,
echo of a bell
opens the sky*

*морозный вечер,
эхо колокола
открывает небо.*

(А. Чекон, пер. В.Васильев)

Поделиться ощущениями от окружающего мира можно, создавая звуки, запахи, смешивая краски. В этом хайку описание звука выступает тем медиатором, который включает воображение читателя. Стоит только представить густоту колокольного созвучия, далеко разносящегося ясным морозным вечером. Откуда? — наверное, всегда найдется свое Уэно, или Асакуса, надо только поймать этот звук.

А звук этот мягкий, т.е. он не вскрывает, не вспарывает небо как выстрел, а делает пространство ощутимым глазу — словно по сумеречному темно-синему киселю неба катятся медленные гулкие волны ...

Это не есть хайку одного неповторимого мгновения (всплеска, вспышки молнии). Это — хайку о нарастающем ощущении глубины и плотности пространства. Отголоски колокольного звона вплетаются в череду звуков «ближнего ряда» — потрескивание коры деревьев на морозе, скрип снега под ногами...Автор недаром употребляет слово «эхо». Именно раскаты, наваливающиеся и затихающие повторы звона, доносят волнами до лирического героя, а вместе и ним и читателя, некий посыл. И в какой-то момент, а может быть, постепенно, эти отзвуки ритуального обряда, происходящего где-то далеко, преображенные расстоянием, самим пространством, пробуждают, открывают это видение неба. Дальше — метафора, которую каждый прочтет по-своему, но в этой встрече, в этом открытии неба — и мгновение самопознания, и проблеск сокровенной сути мироздания!

Это хайку проникнуто духом таинственного нечто, духом югэн («затаенное откровение», «затаенная суть», «скрытая простота» — всего лишь несколько переводов с японского языка, смысловых планов этого обширного понятия). Говоря о стилевой манере югэн-стиха, поэт и теоретик танка Мибу Тадаси еще в начале Х века предлагал при написании использовать простые, даже банальные слова и словосочетания, но складывать их в своеобразные, загадочные строки. Нечто подобное я нахожу в этом хайку.

«Космическое пространство мифа свертывается до пределов страны, государева дворца, собствен-

ного дома и тела. Размеры этого пространства определяются взглядом, визуальными возможностями человека, который перестает смотреть вдаль. Взамен этого развивается способность к детальному структурированию ближнего пространства, умение видеть и замечать малейшие изменения в нем...» — так пишет А.Н. Мещеряков о японской поэзии X века. Думается, что это актуально не только для Японии и не только для X века.

Это пространственно-звуковое хайку привлекло меня возможностью проникнуться чем-то выходящим за пределы традиционных уже для наших хайку «крупных планов».

*Синеватый ликер
в прозрачный графин из бутылки
я налил перед сном —
засыпая, лежу и люблюсь
переливами лунных бликов...*

*Вянут
в фарфоровой вазе
дикие ирисы
синяя жилка бежит по руке...
как ты красиво стареешь!*

*Как прекрасен и чист
этот темно-зеленый прохладный
изумруд на руке!
Стоит только погладить тихонько —
и нахлынут волны печали...*

Эти три вака мной приведены не случайно. Их объединяет главенство цвета, ход времени (точнее — пора) и сдержанная, но отчетливая лиричность. Первое и третье стихотворения принадлежат перу поэта Серебряного века Китахара Хакусю, второе сложено в наши дни молодой поэтессой Валерией Симоновой. Оно очень органично вписывается в танка поэтов Серебряного века, и, по моему мнению, созвучно поэзии того времени, не только японской.

Это очень живописная вака, ее ткань насыщена изящными смысловыми и звуковыми аллитерациями, эмоциональными переливами. После ее прочтения остается цветное «послевкусие», хотя цвет у автора определен лишь однажды — синяя жилка. И тем не менее, ВСЮ танка невольно воспринимаешь в сине-фиолетовой гамме. Лиловые цветы отбрасывают голубоватые тени на стенки фарфоровой вазы, рядом с которой покоятся руки. Некогда молочно-белая кожа и безупречные линии этих рук были сравнимы лишь с драгоценным сосудом, с ... фарфоровой вазой из далекой страны. Но неумолимое время подвергает изменению внешнее, все четче выявляя суть. Это время заставляет сморщиваться нежные лепестки ирисов. И чем ближе сумерки, тем резче и явственнее становятся прожилки лепестков. Поручения сменяет пора увядания. Соположение этих двух

увяданий — цветка и человека — дано на очень высокой ноте.

Несмотря на плавность перехода к последним двум строкам, обусловленную этим цветовым и тактильным единением и, соответственно, «мягкость» возникающей цезуры, читатель не может не заметить и не оценить экспрессию последних строк.

Японские поэты Серебряного века (в частности, Ито Сатио), определяли танка как «вибрацию эмоций». Вибрации, порождаемые этой танка, многомерны (цвет, ход времени, ритм стиха). Эмоции, возникающие после прочтения, имеют широкую амплитуду: от сознания «единой сущности природы и собственного едо», (так называемого понятия сясей в поэзии танка), — к чувственности, почти эротизму, от чувственности — к поклонению и благоговейному созерцанию. А от созерцания — к грусти. Грусти сиреневого цвета.

Прикоснулась к руке
язычком нежно-розовым кошка –
и в касании том
открывается мне впервые
бытия печальная прелесть...
(Сайто Мокити)

*Ранний вечер
фотограф на площади
меняет ракурс.*
(Л.Попов)

Прочтя это хайку, подумалось, какими разными словами в рифму или прозой, можно было бы описать закат, отражающийся на стеклах и куполах, причудливо окрашивающий архитектурные памятники и скульптуры. И как по-разному нарисовать увлеченного этим зрелищем человека с фотоаппаратом, пытающегося успеть запечатлеть это изменчивое состояние света-тени (японцы называют переменчивость такого рода «рюко»). Но жанру хайку присуща семантическая емкость, а в ней — свобода дорисовать...

Картина, которая возникает в воображении, строится под воздействием «неправильных» слов. Т.е. автор использует чуть другие слова, и сначала возникает желание раскусить этот ребус, расшифровать, а потом примерить картинку на себя.

И то, что необходимо в уме потратить мгновение, чтобы «перевести» и раскрыть это хайку в привычное повествовательное предложение о

- фотографе,
 - снимающем
 - красиво расцвеченную
 - закатным солнцем
 - архитектуру площади
- порождает азарт домысливания.

Притягательность этого хайку в том, КАК это автору удается – ничего не сказав, сказать ВСЕ.

Вовлечь читателя, который вместе с фотографом мысленно пристраивается к видеоискателю. Ага, нужно подвинуть объектив, так как теперь вспыхнул соседний купол, заиграла тенями вон та скульптура...

И еще это хайку трогает тем, что у каждого из нас в объектив видится своя площадь. Красная, Гранд-Пляс, Сан-Марко в Венеции, или площадь в городе детства, с обязательным каменным вождем и голубями. И можно поменять в памяти ракурсы этой площади, обвести «объективом» вокруг. А что? Стоит попробовать!..

Комментарии Александра Кудряшова

«Одиночество втроем»

Замечательной особенностью поэтического жанра под названием хайку является обязательность включения в творческий процесс читателя. Что бы ни хотел сказать автор (хайдзин, придерживаясь устоявшейся терминологии), читающий трехстишие воспринимает ее так, как видится ему, а не как это хочет поэт. Читать хайку без подключения воображения – пустая трата времени, навевающая скуку и непонимание. Традиции, привитые в средней школе, связанные с гражданской позицией поэта или хотя бы с его личной, тщательно или не очень, навязываемой точкой зрения, в хайку не работают. Хайдзин дает только минимум (а что еще можно написать в трех/двух строчках?), дальше читатель должен поработать сам, в свое удовольствие.

*кухонные ходики
долгий взгляд
в темноту двора
(Леонид Попов)*

Казалось бы, ну что тут особенного. Обычная, банальная картинка – стоит человек перед окном, занавески не задернуты, ни черта за стеклом не видно, только отражение висящих на стене часов. Фигурирует. Можно двигаться дальше. А можно подключить чуточку воображения и домыслить, сотворить сцену по своему вкусу. Например, так:

«... глупо все получилось, завелись на пустом месте, наговорили друг другу ерунды, она опять хлопнула дверью и ушла ...кофе холодный горчит, дымок из пепельницы поднимается к открытой форточке ...за окном темно, только фары иной раз полоснут ...лбом, что ли в стекло упереться, оно прохладное, нейтральное ...вот прямо сюда, в эти старые кухонные ходики, которые идут в обратную сторону ...не вернуть, не поворачивается время ...глупо, глупо все ...как всегда ...тикают, сочатся минуты ...еще один «убитый» вечер ...напавал ...»

*вытряхиваю
карманы старой куртки
было же счастье
(Юля Воронкова)*

«... черт, черт, черт, ну куда они завалились? ...в подкладке дырка, ключи где-то там должны быть, на спину куда-то скользнули ...нужно снять, а то неудобно ...шантрапа, опять кто-то на стенке маркером написал ...ну почему он так, я же ничего такого не сказала ...ладно, тоже мне, свет клином на нем, видите ли, сошелся ...правильно мне говорили, нет в нем ничего такого ...а это что за бумажка? ...затертая, нужно поближе к свету подойти ...билет, в кино ...а, это в мае мы с ним ходили ...вечер замечательный был, теплый ...на набережной в кафешке посидели ...чуть не опоздали к началу сеанса ...господи, как же все хорошо-то было...»

Получился слегка русифицированный вариант размовки. Если начитаться Х. Мураками, то можно добавить бездну сдержанного восточного психологизма, одиночества среди людей и массу других моментов и моментиков. Или повернуть все по-хэмингуэевски, усугубить изрядной долей алкоголя и воспоминаниями о прошедшем. Все в руках читателя.

Две хайку двух разных авторов, вроде бы совсем о разном, а захотелось мне как читателю, прокрутить у себя в голове «фильму» и, вуаля, три+три строки обрастают замысловатым сюжетом, персонажами, эмоциями.

Спасибо, хайдзины!

Комментарии Наталии Леви

**

*Первый снежок.
Родную деревню увидел
Сквозь дырку в стене.
(Исса)*

Хайку порой напоминает мне вот такой вот булавочный прокол в бумажных седзи, которыми в Японии затягивали окна – при беглом взгляде дырочка не видна, но стоит ее заметить, прильнуть глазом и взглянуться... появляется возможность увидеть то, на что раньше не обращал внимание. Например, родную деревню, как у Иссы. Или сказочный мир за нарисованным очагом, как в «Буратино». Дверца в детство чуть приоткрывается и после прочтения хайку Алексея Жидкова:

*Забыт на окне
Глядит на Медведицу
Плюшевый мишка*

Даже если глянуть на него мельком, невозможно сдержать улыбку от того, как автор подметил Внезапную Общность игрушечного медвежонка и созвездия. Это сразу привлекает, на такой внезапной общности построены многие хайку, но тут эта случайная данность выражена так ясно и понятно, что если не сделать усилие и не остановиться, хочется бежать дальше, мимо этого такого понятного и вроде незатейливого хайку. Точно так и происходило со мной – я проходила с доброй улыбкой мимо этого стиха много раз, пока однажды не взяла его с собой на прогулку в лес. Именно так, похоже, делал и хозяин этого плюшевого медведя – брал игрушку повсюду, сажал рядом за завтраком, клал в постель рядом с собой, укрывал одеялом, а однажды вечером вместе с ним устроился у окошка. Смотрел ли он салют, глядел ли на снег, ждал ли маму... что же произошло потом, что отвлекло ребенка настолько, что его игрушечный друг остался на окошке один, а не был взят с собой?

Погрузившись в мир этого хайку, начинаешь невольно сочувствовать немой душе этого существа, бывшего любимым другом и вдруг оказавшимся просто игрушкой, забытой на окне....Глаза медвежонка все еще устремлены на небо – так его усадил ребенок, чтобы он смог разделить с ним какое-то зрелище за окном. А небо темнеет, на нем загораются звезды... и автор, чьи глаза умеют легко соединять горящие в небе огоньки в созвездия, протягивает мысленно еще две линии – между медвежонком и созвездием Большой Медведицы и... между своим сердцем и плюшевым комочком, забытом на окне... И эти два расстояния гораздо короче, чем может показаться – в этом лаконичном хайку дистанция душевная сжимается в точку («дырка в стене!»), пробивая насквозь обыденность – в другое пространство, где игрушечный медвежонок, быть может, на мгновение найдет утешение у небесной Медведицы...

* *

Японские поэты большое значение придавали преемственности в литературе, следованию традиции, они часто использовали реминисценции, даже сложился такой литературный прием – хонкадори. Один поэт, используя цитату из произведения другого поэта, создает свое, развивающее или в конечном случае даже меняющее тему стихотворения-первоосновы, его настроение или смысл. Поэт мог заимствовать мотив, лексику и фразеологию, художественный образ у произведения-прототипа. Когда я первый раз прочла хайку Марселя Марта:

*снежинки кружат
но каждая ложится
на своё место*

у меня тотчас же всплыло в памяти хайку Басё:

*О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему —
и в этом высший подвиг цветка...*

Я не знаю, получилось ли это у автора осознанно или случайно, но не связать эти два хайку, между которыми — столетия, читая Басё, просто невозможно.

«Сколь ни мала вещь, она проходит свой жизненный Путь и потому равна другим вещам, которые могут быть стократ больше и жить не один день, как бабочка-однодневка, а сотни, тысячу лет, как сосна. Но они равны, потому что каждый остался верен своему себе, следуя своему назначению. Не только каждая вещь по природе своей свободна, но и каждый миг.»* Неповторим и свободен миг. Так же свободны и снежинки, которые так легки, что падают не отвесно вниз, а кружат, меняют направление своего полета, летят в сторону, снова поднимаются вверх... но каждая из них, каждая из таких малостей, рано или поздно найдет свое место. Что же тогда говорить про нас, людей, если даже снежинки?..

* *

В Японии взрослые и дети до сих пор любят играть в поэтическое лото: разрезанные части танка из известной антологии ста поэтов перемешиваются, наугад вытягиваются карточки и по памяти при-

водится недостающий фрагмент. Японцы очень хорошо знают свою поэзию, у них можно этому поучиться. Приятно, когда читаешь чье-то хайку, а оно не просто запоминается, а встает в в череду поэтической преемственности. В случае со следующим стихом так и произошло.

*love ending,
winter beginning —
smell of chrysanthemum*

*уходит любовь,
наступает зима —
аромат хризантем
(Камоме)*

А вспоминается хайку Иссы:

*Видели все на свете
Мои глаза — и вернулись
К вам, белые хризантемы.*

Хризантема для японцев – знаковый цветок, это символ нации, императора, символ стойкости и упорства, долголетия. По преданию считалось, что роса, собранная с хризантем, продлевает жизнь. Хризантема пышно цветет осенью, когда другие цветы гибнут от заморозков. На современном же языке цветов, особенно в странах Европы, хризантема – эмблема печали, да и в некоторых странах Востока белые хризантемы – символ траура.

Восприятие хайку Камоме несколько меняется, если в разных временных координатах прочесть первые две строчки.

1) Как одновременно происходящие. На исходе осени ушла и любовь... Пустынность, голость, холод.... К этим двум звучащим в унисон нотам душевного и природного состояния вдруг добавляется третья – аромат хризантем. В нем – и холодная свежесть утра, и ясность осенних небес, и запах скорого снега... И именно с этой третьей нотой аккорд получает свое полновесное звучание. Печаль и утрата уже видятся естественно вплетенными в общую мелодию жизни.

2) Как происходящие в разное время. Аромат хризантем особенно ярко воспринимается героем стиха в двух случаях – когда наступает зима и когда уходит любовь. В преддверии зимы, когда даже эти стойкие цветы утонут в снегах, он особенно часто нюхает их, чтобы лучше запомнить их аромат... И этот же запах встречает садовника, когда он возвращается к своим цветам после долгого перерыва, быть может, после любовной потери...

Видели все на свете глаза и вернулись к хризантемам...

Недолговечное обладает особой ценностью в японской поэзии. Переживание красоты преходящего особенно остро в своей дуальности: наслаждении прекрасным и печали от его скорой утраты. В таком скупом на мазки кисти хайку Камоме собралось очень многое, надо только взглянуть.

**

*Morning walk;
no footprints in the snow-
but those left behind.*

*Утром иду;
нет следов на снегу -
всё позади*
(Пол Купер)

И снова несколько смысловых планов – явный, зримый, воплощенный в явлении природы и простом обыденном действии – утренней прогулке, и внутренний, экзистенциальный, чутко расцветающий навстречу тому, кто заметит его бутон и потянется понюхать... И это озарение вторым смысловым планом начинается сразу же после прочтения третьей строки – оно как бы разворачивается обратно. Ночной сон раскладывает по полочкам все произошедшее накануне, каждое утро можно воспринимать как возможность все начать с чистого листа. Жалко только, что к вечеру мы часто оказываемся там же, где были и вечер назад...

Но мы там, куда мы шли, куда мы пришли. Мы и сумма пройденных шагов, и в то же время гораздо большее, мы свободны от пройденного, все – впереди, несмотря на то, что все позади; куда мы направимся прямо от порога текущего момента, там и проляжет путь. «Свое место» у падающей снежинки не то же в конце, что в начале падения, оно все время меняется, это «свое место», пока тень снежинки не сольется с самой снежинкой, да и после этого ее еще может снова поднять в воздух ветер... Обусловленность прошлым срабатывает, если мы позволяем ей это, в нашей власти выпасть песчинкой с оси вечно крутящейся шестеренки и продолжить свой путь уже осознанно. Но для этого надо сперва остановиться – что и сделал герой хайку – и оглядеться. Ничего лишнего, несколько штрихов и... – чувство бесконечности, охватывающее нас.

Одна восточная мудрость говорит: «Умеющий ходить не оставляет следов», в другой: «Легко ходить не оставляя следов, трудно не касаясь земли».

**

Пол Купер называет свои пятистишия вака – «японская песня». Термин вака возник во времена Хэйан — им обозначали «высокую» поэзию на японском языке в противовес канси – китайским стихам, и так японское пятистишие называлось до конца 19 в, когда его стали звать танка. И, хотя слова «вака» и «танка» («короткая песня») считаются практически синонимами, именно первым, вака, хочется и вправду называть стихи Пола – они по-классическому стройны, глубоки, как правило, делятся на две изящно взаимодействующие друг с другом части; в вака Пола сильно ощущается ёдзё – избыточное чувство, невыраженное, то, что за пределами слов.

То, что не высказал я,
Сильнее того, что сказал.

Порой кажется, что перед глазами старинный свиток вака, а не стихи поэта, живущего в нашем веке.

*Too soon for sunrise
where the moon remains hidden;
enveloped in mist —
all that remains of the night,
the flickering candle flame.*

*Вот-вот рассветёт
там, где закутавшись дымкой
луна притаилась —
всё, что осталось от ночи,
слабеющий трепет свечи*
(Пол Купер)

Чтобы передать сокровенное, приходится пользоваться словами, но соединять их так, чтобы можно было хотя бы наощупь найти ворота, выводящие за пределы этих слов. В поэтической традиции Японии именно в попытках передать невыразимое и родились категории прекрасного – югэн, саби, ваби... Судзуки Дайсэцу, осмысляя японскую традицию в книге «Дзэн и японская культура», говорит, что югэн — это мимолетный взгляд на вечные явления.

Но даже не зная значения всех этих японских слов, мы ощущаем аромат недосказанного в этой вака Пола. Мы не знаем, почему еще горит свеча и чей путь она освещала – то ли творящего поэта, то ли размышляющего философа, то ли ждущего возлюбленного... Но мы сами вольны домыслить это, окупнувшись в атмосферу стиха. Еще не утро, уже не ночь, луна в дымке, все замерло... и только свеча, как яньское начало, кроющееся в ночном покое, трепещет... от дыхания? от едва уловимого ветерка? Бьющееся сердце предрассветной тишины...

Пейзажность первых трех строк вершится двумя строчками, в которых нет ни слова о человеке, но он там – в этом трепещущем острие свечи. Луна в японской поэзии олицетворяет одновременно и духовное единение, и романтическую любовь. Каждая жизнь исключительна сама по себе, мы разделены и одиноки, но в то же время связаны незримыми узами со всем сущим. В момент, описываемый этой вака, всесоединяющая луна в дымке, солнце еще не озарило мир, и тема одиночества (духовного ли, любовного?) звучит ярче, животрепещуще.

Недосказанность стиха, его эмоциональный подтекст, заключается не только в том, что по малейшей детали мы можем воссоздать на основе собственного опыта всю ситуацию и обстоятельства, мизансцену, но и в том состоянии природы и души, которое выраженным словами быть не может, слова только, как верстовые столбы, могут указать направление пути.

Лексически ощущение сокровенного передается словами «закутавшись», «дымка», притаилась», а самым сюжетным поворотом последних строк довершается атмосфера одиночества (свеча горела всю ночь!) и уединенности, но и живости, неуспокоенности героя этого стиха. Кроме того, в этой вака соседствуют и контрастируют луна, как символ еще и вечного неизменного, и пламя, как нечто постоянно меняющееся и исчезающее, но снова возрождающееся – подобно человеческой жизни...

**

*In the human realm,
where is this place called home?
Among the pines —
that spot where my head will rest
as the sun sets on distant slopes.*

*А в мире людском
что домом могу назвать?
Среди сосен —
вот место, где голову приклоню;
меж дальних холмов село солнце...*
(Пол Купер)

Так и видится: солнце, покоящееся на дальних холмах, и клонящаяся на траву меж соснами голова человека... Вспоминаются странники Сайгё, Басё, Сантока...

Дом там, где ты, где твое сердце. Для кого-то это тень ивы, островок прохлады, цветущий сад, для кого-то – состояние души. Если мы долго находимся наедине с природой, постепенно все лишнее отпадает, остается покой, чувство единства с миром, слиянность, правильность и верность каждой минуты, что бы ты ни делал. Чувство дома – не снаружи, оно внутри, это ощущение тождества самому себе, где бы ты ни находился.

*Т.П. Григорьева «Красотой Японии рожденный»

Пол Купер

Так мягко
лист коснулся травы...
шагаем рядом —
тепло твоей руки в моей,
свежесть осеннего утра.

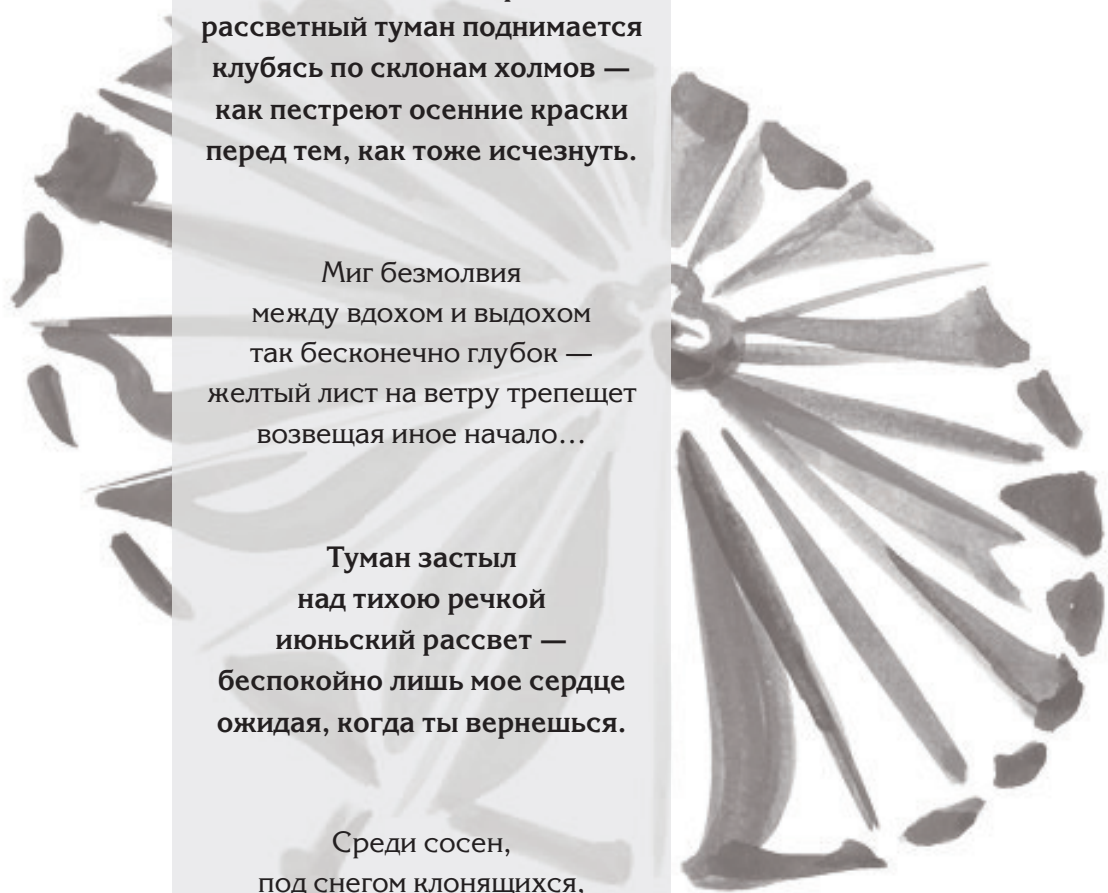
Невольник ветра,
рассветный туман поднимается
клубясь по склонам холмов —
как пестреют осенние краски
перед тем, как тоже исчезнуть.

Миг безмолвия
между вдохом и выдохом
так бесконечно глубок —
желтый лист на ветру трепещет
возвещая иное начало...

Туман застыл
над тихой речкой
июньский рассвет —
беспокойно лишь мое сердце
ожидая, когда ты вернешься.

Среди сосен,
под снегом клонящихся,
тихий рассвет —
цепь следов убегающей лани,
струйки белых вихрей с ветвей...

Вот-вот рассветёт
там, где закутавшись дымкой
луна притаилась —
всё, что осталось от ночи,
слабеющий трепет свечи.

Одуванчика пух
с ветром в небо летит,
уже в облаках затерялся —
о, сколько мечтаний, надежд
упорхнуло из этих ладоней.

Тумана покров,
развеянный утренним бризом,
взору открыл,
как серый шелк пеньюара милой,
нежную бледность луны.

Утра прозрачный свет,
только последние листья
могут его задержать —
в день простираются тени,
превращается осень в зиму.

Хоть мы и не встретились,
пока луна плывет через небо
твой голос еще здесь —
на лотосе в каплях росы
во тьме долгой ночи зревших.

Кто знает
где гостит ее сердце
в эту минуту
луна растет в том же небе
что мы разделили однажды

В мире людском
что домом могу назвать?
Среди сосен —
вот место, где голову приклоню;
меж дальних холмов село
солнце...

Неужели луна,
что так ярко светила,
разбилась на части? —
Повсюду кружась и порхая
летят с неба белые хлопья.

К ночи клонится день,
на самом краю горизонта
бледной луны восход
уносящий в безбрежную высь
всю тяжесть прошедшего дня.

Тишина остается
там, где голос подал сверчок
в лунном свете
лишь тень пугала тянется
через пустое поле.

Перевод УЛИТКИ

Валерия Симонова

Поле клевера
под ясным солнцем июля
так безмятежно
лежа на свежей траве
измеряю небо руками.

клен на отшибе
откуда б ему узнать
что уже осень —
ни капли золота в кроне
только росчерки солнца

желтые листья —
дрожа на осеннем ветру
стою и смотрю:
позади, впереди — дорога
какой из путей короче?...

хоть слово, хоть каплю! —
и я перейду пустыню молчанья
а ты меня вспоминай
каждый раз глядя, как вихрь уносит
лепестки, листья, снежинки...

вянут
в фарфоровой вазе
дикие ирисы
синяя жилка бежит по руке...
как ты красиво стареешь!

Несколько дуэтов Валерии Симоновой (Россия) и Пола Купера (США)

Дуэт

*

розовая луна!
внезапно смущены:
такое чудо...
теперь, когда мы так близки
милый, меня не коснись...
(Валерия Симонова)

розовая луна!
в удивлении молча сидим —
друг друга
еще не коснувшись
мы уже так близки

В тишине
Под розовым светом луны
Совсем одна —
Шелест ветра в твоих волосах...
Кто скажет — мы не были близки?
(Пол Купер)

Дуэт

**

Вдоль тротуара
Ветер несет лепестки
Сквозь вечерний холод
Вместе с солнцем иду
Домой по Тридцать Пятой
(Пол Купер)

хороший знакомый -
каждый камень мостовой
здесь не устанешь...
жмурясь на вечернем солнце
бреду домой по Арбату
(Валерия Симонова)

вот я и дома!
каждый камень знаком
на мостовой Арбата —
забыв про усталость бреду
по вечернему солнцу...

Дуэт

* * *

в разных городах
мостовую шагами меряя
такие похожие
в последних лучах солнца
мы оба бредем домой
(Пол Купер)

Летняя ночь...
разгорается наша страсть
не ослабевая
все яростней светит луна
после каждого вздоха.
(Пол Купер)

на исходе ночи
светлеет горизонт...
мое робкое «да»
между вдохом и выдохом
ты сумел разгадать
(Валерия Симонова)

Каоме (перевод УЛИТКИ)

*тихий ветер —
до лунного света истаял
запах лимона*

*летняя гроза —
будто выжала из себя
все краски вечера*

София Русинова (Ореховая Соня)

Константин Микитюк

Дарья Баталина

Владимир Монахов

Елена Большакова

Алла Мутелика

Элины Витомская

Нора

Юлия Воронкова

Леонид Попов

Руслан Гундаков

Петр Савченко

Галина Ершова

Валерия Симонова

Алексей Жидков

Рамкришна К. Сингх

Анатолий Ильц

Лена Талаева

Владимир Ищенко

Феликс Тамми

Камоме

Инна Умярова

Вячеслав Канин

Юлия Хайрутдинова

Жанна Коробова-Рэйдер

Эльвира Частикова

Александр Кудряшов

Андреа Чекон

Пол Купер

Эльмира Черкасова

Наталия Леви

Игорь Шуган

Геннадий Линьков

Олег Юров

Татьяна Луговская

Shimizu

Марсель Март

“Улитка” в сети:

Сайт журнала

<http://ulitka.haiku-do.com>

Facebook-группа

<https://www.facebook.com/groups/ulitka.haikai>

Livejournal-сообщество

<http://ulitka-haikai.livejournal.com>